

У истоков ВИМСа

Т. Б. Здорик,

кандидат геолого-минералогических наук

Л. Г. Фельдман,

кандидат геолого-минералогических наук

Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья Министерства геологии СССР

Москва

В октябре 1988 г. один из старейших в нашей стране институтов — Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья (ВИМС) — торжественно отпраздновал свое 70-летие. За прошедшие годы его сотрудники немало сделали для создания и развития отечественной минерально-сырьевой базы. Благодаря их усилиям разведаны и освоены промышленностью десятки месторождений вольфрама, молибдена, олова, урана, редких металлов и других полезных ископаемых.

Необычна предыстория ВИМСа: он вырос из единственного в России научного учреждения, созданного частным лицом на собственные средства. В связи с юбилеем института готовится к печати сборник, отражающий основные вехи его истории, — своеобразные хроники ВИМСа. Вниманию читателей предлагается небольшой их фрагмент, центральное место в котором занимает неординарная фигура основателя института — В. В. Аршинова.

Д О НЕДАВНЕГО времени было привычным недооценивать и замалчивать тот огромный вклад, который российское, особенно московское, купечество внесло в развитие отечественной культуры. А ведь именно из московских купеческих семей Боткиных, Вавиловых, Сытиных и др. вышла целая плеяда крупнейших русских и советских ученых, деятелей медицины и просвещения. Уместно вспомнить здесь и купцов-меценатов, замечательных коллекционеров картин и предметов прикладного искусства, таких как Мамонтовы, Шукины, Третьяковы, Солдатенков, Морозовы, чьи собрания художественных сокровищ стали основой прославленных музеев Москвы и Подмосковья.

«Моя идея, — писал дочери П. М. Третьяков, создатель национальной картинной галереи, ныне носящей его имя, — была с самых юных лет наживать для того, чтобы нечто от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня во всю мою жизнь...»¹

Обеими руками мог бы подписаться под этими словами крупный торговец и фабрикант-суконщик, купец 1-й гильдии Василий Федорович Аршинов (1854—1942), лицо ныне мало кому известное, но в своем роде замечательное. На его средства в самом начале XX в. на старинной московской улице Большой Ордынке, неподалеку от Третьяковской галереи, было выстроено единственное не только в Москве, но и во всей России частное научно-исследовательское учреждение — минералого-петрографический институт со звучным названием "Lithogaea" («Литогэа»): от греч. λίθος — камень и Γεя — богиня Земли.

...Ныне между Б. Ордынкой и Б. Полянкой, в переулках Б. Толмачевском, Пыжевском и Старомонетном, расположился целый островок науки — около десятка научно-исследовательских институтов, так или иначе связанных с изучением нашей планеты: ее глубин, поверхности и почвенного покрова, воздушной оболочки и, разумеется, богатств земных недр, их переработкой и практическим использованием.

Некоторые из них постарше (крупный институт ГИРЕДМЕТ Министерства цветной металлургии СССР; Почвенный институт

¹ Цит. по: Романов С. К. Из истории московских переулков. М., 1988. С. 289.

В. В. Аршинов — студент Московского университета. 1902 г. Публикуется впервые.

ВАСХНИЛ; Институт географии, Геологический институт и Институт геологии рудных месторождений, минералогии, петрографии и геохимии АН СССР), другие — помолже (Институт физики атмосферы АН СССР), третьи — совсем юные (Институт литосферы АН СССР). Но первенцем среди них была маленькая «Литогеа» — предтеча современного Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья, ведущего института сырьевого профиля в системе Министерства геологии СССР. Институт «Литогеа» размещался в двухэтажном доме, специально построенном для него в 1905 г. академиком архитектуры Ф. О. Шехтелем — самым знаменитым, по крайней мере в Москве, мастером русского модерна. Небольшое здание «Литогеа», с разной величины и формы окнами, коваными латунными фонариками у лестницы, изящной башенкой над крышей — типичный образец этого прихотливого архитектурного стиля рубежа веков. В башенке была оборудована одна из первых в Москве астрономических обсерваторий, где группа молодых (а впоследствии — весьма известных) астрономов впервые в России наблюдала в 1910 г. в телескоп комету Галлея... Впрочем, астрономия была хотя и славной, но мимолетной страницей в жизни института «Литогеа» и его научного

руководителя — Владимира Васильевича Аршинова (1879—1955), старшего сына богатого московского купца В. Ф. Аршинова и одного из первых крупных русских ученых в области микроскопической петрографии и кристаллооптики.

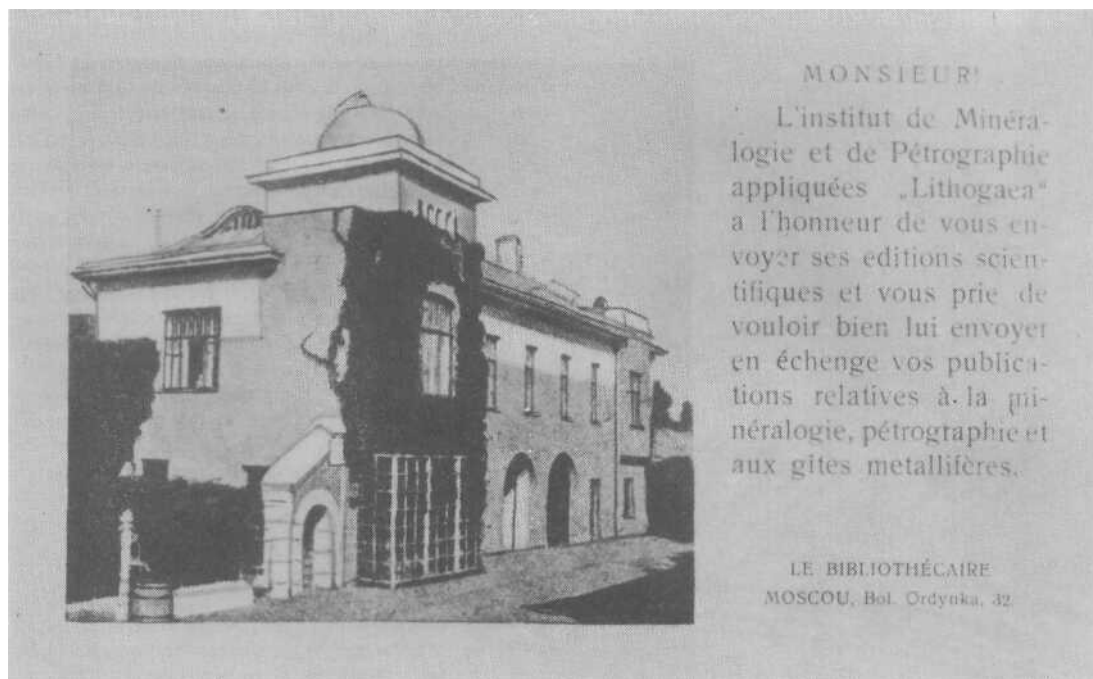
Пусть к созданию института был длинным и непростым. Он начинался в российской глубинке — уездном городке Саранске, где В. Ф. Аршинов родился в многодетной семье крестьянина, перебравшегося на заработки в город и записавшегося в мещанское сословие. Одиннадцати лет от роду его отдали мальчиком в лавку села Починки. Оттуда в 1872 г. 17-летним юношей ушел он пешком в Москву и устроился на службу к фабриканту-суконщику. Через 9 лет В. Ф. Аршинов смог уже открыть собственную суконную фабрику, а спустя еще некоторое время стал директором-учредителем торгово-промышленного товарищества «В. Аршинов и К», поставщиком императорского двора.

Карьера, в общем-то, типичная для удачливого и предприимчивого промышленника. Не вполне обычной, однако, была тяга этого талантливого, хотя и малограмотного, русского самородка к интеллигентным людям, широта взглядов, завидное умение понять и разделить духовные интересы своих высокообразованных и таких непохожих друг на друга сыновей. Для научных занятий Владимира отец строит и оборудует институт, еще одному из сыновей — Сергею, серьезно занимавшемуся музыкой, возводит на свои деньги прекрасное здание консерватории в Саратове. Архивы ВИМСа раскрывают нам, что на содержание «Литогеа» Аршинов ассигновал 700 тыс. руб.— средства по тем временам немалые.

После Октября 1917 г. он по собственной инициативе передал рабоче-крестьянскому государству все движимое и недвижимое имущество. В свою очередь, правительство РСФСР сочло целесообразным использовать огромные практические знания и опыт В. Ф. Аршинова, его энергию и деловые качества на хозяйственной работе — сперва в суконной промышленности, затем в хозяйственном обеспечении Московской горной академии. Скончался он в глубокой старости, дожив до 88 лет, в своей московской квартире, которую не покидал даже в грозные военные годы.

По отзывам всех, знавших Аршинова в последний период его жизни, это был исключительно приятный в обращении старик, привлекавший к себе умом, скромностью, внутренней культурой, тактом и деликатностью.

Своим сыновьям, и прежде всего горя-

Изображение института «Литогеа» на старинной открытке, приглашающей к обмену научной информацией.

чо любимому первенцу, В. Ф. Аршинов постарался дать блестящее образование. К тому времени, когда Владимир подросток, отец уже «выбился в люди» и мог не только определить его в классическую гимназию, но и пригласить домашнего учителя. Им стал студент Московского университета Константин Иосифович (Осипович) Висконт, впоследствии — профессор, крупный минералог и химик. Этот человек фактически определил судьбу В. В. Аршинова и стал ему ближайшим другом на всю жизнь. От своего первого учителя юный Володя Аршинов навсегда заразился любовью к естественным наукам. Вначале он увлекся ботаникой, но вскоре гербарии сменились горными породами и минералами. Отец всячески поощрял научные увлечения сына, не жалея средств ни на геологические экскурсии, в том числе и зарубежные, ни на создание благоприятных условий для исследовательской работы. Уже в студенческие годы он располагал небольшой, хорошо оснащенной собственной лабораторией.

Вместе с тем по прекрасным, хотя и неписаным традициям того времени ученые-естественники не чурались гуманитарного образования. И после окончания гимназии Аршинов поступил в 1898 г. вольнослу-

шателем на историко-филологический факультет Московского университета, где лекции читали тогда выдающиеся историки В. О. Ключевский, Р. Ю. Виппер, П. Г. Виноградов, крупнейший географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин. Общение с этими яркими людьми, несомненно, повлияло на духовный облик молодого человека, укрепило в его характере черты высокой нравственности, расширило круг общественных интересов. Именно с историко-филологического факультета вынес Аршинов и глубокую любовь к книге: спустя много лет это его увлечение воплотилось в горячее содействие развитию в Москве сети научных библиотек и издательств.

В 1899 г. он становится студентом естественного отделения физико-математического факультета. Это была славная пора в истории Московского университета, где тогда блистали выдающиеся ученые, составляющие гордость русской науки: физики П. Н. Лебедев и Н. А. Умов, химик Н. Д. Зелинский, физиолог К. А. Тимирязев, зоолог М. А. Мензбир, геолог А. П. Павлов, минералог и геохимик В. И. Вернадский и многие другие.

В 1903 г. Аршинов успешно окончил университет по кафедре минералогии, руководимой Вернадским. Тогда же в «Бюлле-

В. Ф. Аршинов — отец В. В. Аршинова, один из учредителей института «Литогеа». Публикуется впервые.

тене Московского общества испытателей природы» появилась первая его публикация. Эта работа, выполненная автором в качестве дипломной, представляла собой детальное исследование нового органического соединения, незадолго перед тем синтезированного известным химиком Л. А. Чугаевым.

Оценив способности своего студента, а главное — его редкую преданность науке, Вернадский предложил ему остаться при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1904 г. Аршинов, уже назначенный ассистентом кафедры минералогии, направляется в Германию, в Гейдельбергский университет, для овладения методами микроскопического исследования минералов и горных пород. В лаборатории Г. Розенбуша — одного из крупнейших авторитетов в области описательной микроскопической петрографии — В. В. Аршинов и неразлучный с ним К. И. Висконт проработали два года. Отныне основной сферой научных интересов Аршинова становятся микроскопическая петрография и кристаллооптика.

Стоит вспомнить, что в России в начале века микроскопическая петрография еще только зарождалась. Так, в Московском уни-

верситете петрография преподавалась лишь на кафедре общей геологии, возглавляемой видным геологом и палеонтологом А. П. Павловым, петрографическими исследованиями не занимавшимся. И по возвращении из-за границы Аршинов начал со студентами практические занятия по кристаллооптике (в рамках курса кристаллографии, который читал сам Вернадский). Это был первый опыт преподавания основ кристаллооптики в Московском университете. Около шести лет Аршинов с успехом выполнял возложенные на него функции, став учителем многих представителей старшего поколения советских минералогов и петрографов.

Годы преподавания в университете сыграли самую благотворную роль в становлении В. В. Аршинова как ученого. Вместе с тем молодой педагог не довольствовался существующими приборами. В 1911 г. он поместил в немецком «Кристаллографическом журнале» описание своего первого (и самого известного) оригинального изобретения в области кристаллооптики: наклоняемого столика-геми-сферы, предназначенного для количественного исследования оптических свойств кристаллов с помощью поляризационного микроскопа². В этой первой серьезной научной работе, родившейся из опыта преподавания кристаллооптики, молодой ученый фактически нашел собственное направление в науке, которое в дальнейшем развивал на протяжении всей своей жизни. Близкое общение с Вернадским, участие в сессиях Международного геологического конгресса (1903 г.— Вена, 1910 г.— Стокгольм, 1913 г.— Торонто) и в работе Международной экспедиции в Канаде (1913 г.) сильно расширили кругозор молодого исследователя, открыли возможность непосредственных научных контактов с ведущими минералогами и петрографами мира.

Об университетском периоде своей жизни Аршинов оставил любопытные воспоминания. Вот небольшой их отрывок: «При кафедре минералогии В. И. Вернадский организовал кружок, в котором сотрудниками кафедры и студентами делались сообщения как о своих работах, так и рефераты опубликованных в научной литературе работ по минералогии. Иногда заседания кружка происходили на квартире В. И. Вернадского. Припоминаются интересные выступления на кружке студента А. Е. Ферсмана. Припоминаю также, как у витрины в музее (Мине-

² Arschinoff W. // Z. für Kristallographie und Mineralogie. 1911. Bd. 48. S. 225—229.

Сотрудники кафедры минералогии и Минералогического кабинета Московского университета. Сидят (слева направо): Н. Н. Боголюбов, Я. В. Самойлов, С. П. Попов, В. И. Вернадский, Е. Д. Ревуцкая. Стоят: В. М. Цебриков, Н. И. Сургунов, В. В. Аршинов, В. В. Карандеев, Г. И. Касперович. 1908 г.

ралогическом кабинете.— Т. З., Л. Ф.) я объяснял студенту Ферсману, что представляет из себя пегматит...»³ Курьезность ситуации состоит в том, что именно Ферсман — впоследствии прославленный геохимик и минералог, академик — четверть века спустя создал развернутое учение о пегматитах. А впервые услышал он об этих удивительных творениях природы от своего педагога Аршинова.

Преподавательская деятельность Аршинова на кафедре минералогии продолжалась до печального памятного в истории отечественной культуры 1911 г., когда Московский университет был фактически разгромлен. Протестуя против произвола министра народного просвещения Л. А. Кассо, сразу 21 профессор университета подали заявление об отставке. Вслед за профессорами ушли из университета 105 приват-доцентов, ассистентов и лаборантов. Вместе со своим учителем Вернадским оставил университет и Аршинов.

По счастью, искать себе новое место работы ему не пришлось: еще в 1905 г. Аршинов-отец успел завершить строительство здания для задуманного сыном института «Литогеа». Параллельное преподавательской работой в университете В. В. Аршинов в 1906—1910 гг. с энтузиазмом занялся оснащением института. Все в нем — и оборудование, и приборы, и научная библиотека — должно быть наилучшим. Но главное — будущие сотрудники, которых он подбирал лично. Оставив в 1911 г. университет, Аршинов всецело сосредоточился на своем долгожданном детище. Хотя официальной датой основания института «Литогеа» считается 1910 г., когда начали выходить в свет его издания.

К сотрудничеству Аршинову удалось привлечь группу молодых талантливых ученых, впоследствии снискавших широкую известность: геологов С. В. Обручева и В. А. Варсанюфьеву, петрографов А. А. Мамуровского, Е. А. Кузнецова и Б. З. Коленко, минералогов А. С. Уклонского, Н. А. Смольянинова и К. И. Висконта, кристаллографа

³ Архив ВИМСа.

В. В. Аршинов за поляризационным микроскопом. 1930 г. Публикуется впервые.

Е. Е. Флинта. С 1915 г. В. В. Аршинов принял на себя научное руководство институтом.

В том же 1915 г. учредители «Литогеа» — В. В. и В. Ф. Аршиновы — передали институт в ведение Московского общества испытателей природы. Вскоре Министерством торговли и промышленности был утвержден устав института, согласно которому число «членов-сотрудников», приглашенных для выполнения научных работ в нем и для руководства, ограничивалось четырьмя лицами. Они избирались Советом института по представлению директора на 5-летний срок; им, как и директору, не дозволялось совместительство. Установленное членам-сотрудникам «содержание» составляло 4/5 содержания директора. Последний должен был избираться раз в 15 лет, при этом определялся и размер его содержания. По уставу, содержание директора «...устанавливается Советом института через каждые 15 лет закрытой баллотировкой без участия в оной б.директора и членов-сотрудников института»⁴. Как видим, руководство институтом ба-

зировалось на весьма демократических принципах. Столь же демократичной была процедура избрания Совета института.

Устав давал «Литогеа» право на издание журнала минералого-петрографического содержания. Реально же издавался журнал «Рудный вестник», т. е. содержание этого печатного органа (издатель — В. В. Аршинов, редактор — В. А. Обручев) имело ярко выраженную практическую направленность. Кроме того, институт издавал труды своих сотрудников отдельными выпусками. В числе первых были публикации В. В. Аршинова: «К геологии Крыма» (1910) и «О двух полевых шпатах с Урала» (1911).

Под научным руководством Аршинова институт работал в 1915—1923 гг. Основное его направление в эти годы — изучение минералов и горных пород для выявления минерально-сырьевых богатств страны и вовлечения их в сферу хозяйственного использования. Еще до революции сотрудники инсти-

⁴ Там же.

тута начали петрографические исследования отдельных районов Урала, Крыма и Кавказа, занимались поисками и разведкой месторождений вольфрама, меди, серы и корунда.

В годы революции и гражданской войны главной задачей учредителей института было сохранить свое детище как дееспособное научное учреждение. И уже в 1918 г. В. В. Аршинов обратился к Советскому правительству с предложением о передаче института в собственность государства. По его представлению В. И. Ленин и управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевич 1 октября 1918 г. подписали специальный декрет «О национализации Петрографического института «Lithogaea»:

«1. Петрографический институт «Lithogaea» в Москве, имеющий задачей научное исследование горных пород и минералов, объявляется государственным учреждением, состоящим в ведении Научно-технического отдела ВСНХ.

2. Институт существует и функционирует на основе устава, утвержденного Научно-техническим отделом ВСНХ.

3. Содержание института обеспечивается отпуском соответствующих средств по сметам Научно-технического отдела.

4. В распоряжение института передается все бывшее владение Аршиновых на Большой Ордынке и по Пыжевскому переулку, а также бывшее владение Шведова на Большой Ордынке».

От даты опубликования этого декрета в газете «Известия ВЦИК» — 22 октября 1918 г. — и ведет родословную современный ВИМС по праву считающий В. В. Аршинова своим основателем.

В 1918 г. Аршинов был назначен первым советским директором института «Литогеа». В стране царил разруха, и главными объектами исследований института в те годы стали месторождения естественных стройматериалов (преимущественно строительных камней) Подмосковья и центра России. Организация этих исследований в условиях, крайне трудных для проведения экспедиционных работ, потребовала от Аршинова огромного напряжения сил. Сам он в 20-е годы интенсивно занимался изучением природных кровельных сланцев и их месторождений. 20-е годы памятные нам и появлением новых печатных изданий. С 1920 г. институт начал издавать новый журнал «Минеральное сырье».

Сразу же по окончании гражданской войны сотрудники института активно включились в изучение полезных ископаемых страны. Сохранились сведения о том, что летом 1922 г. К. И. Висконт посетил Кольский п-ов и впервые обнаружил там железные

руды; тогда же Е. А. Кузнецов вел петрографические исследования в Кыштымском районе (Урал), В. Д. Рязанов обследовал ртутные и сурьмяные проявления на Урале, А. С. Уклонский изучал месторождения серы в Средней Азии.

20 марта 1923 г. на заседании Президиума Центрального научно-технического совета ВСНХ СССР был заслушан отчетный доклад Аршинова о деятельности руководимого им института. В принято по докладу постановлении НТС записано, что «цели института «Литогеа» имеют серьезное значение; работа в Институте, несмотря на очень трудные условия, не прерывалась; в Институте подобраны необходимые научные деятели; программа по изучению полезных ископаемых на 1923 г. вполне целесообразна»⁵.

НТС особо подчеркнул, что институт «Литогеа» возник, по частному почину и до сих пор в высокой степени бережно охранялся семьей Аршиновых, и в частности В. В. Аршиновым, который, организовав это учреждение и вложив в него всю свою энергию, сохранил его в прекрасном состоянии до наших дней.

Вскоре после этого заседания, в том же 1923 г., судьба В. В. Аршинова, как и судьба «Литогеа», круто переменилась. Институт возглавил только что возвратившийся из длительной командировки в Германию профессор Н. М. Федоровский (1886—1956), человек исключительно энергичный и деятельный.

Будучи хорошо знаком с работами «Литогеа», он пришел к выводу, что именно аршиновский институт представляет собой лучшую основу для создания принципиально нового научного учреждения, объединяющего специалистов разного профиля. По мысли Федоровского, новый институт должен был эффективно способствовать избавлению страны от необходимости ввозить минеральное сырье из-за границы, а также содействовать индустриализации путем широкого и разностороннего изучения минеральных богатств собственных недр.

Лицо института заметно изменилось. Шире стал круг задач, больше коллектив, а главное — в институте начал развиваться комплексный метод изучения минерального сырья: наряду с совершенствованием методов поисков и разведки полезных ископаемых, исследованием их вещественного состава стали изучать технологию переработки руд и концентратов, вопросы геолого-экономической оценки месторождений. Несколько раз менялось и название института. В 1923 г. он стал именоваться Институт при-

⁵ Там же.

В. В. Аршинов среди сотрудников петрографической лаборатории ВИМСа. 1930-е годы. Из архива В. Н. Разумовой. Публикуется впервые.

кладной минералогии и петрографии, в 1925 г. — Институт прикладной минералогии и металлургии, в 1930 г. на несколько месяцев был переименован в Институт прикладной минералогии и цветной металлургии, затем — в Институт прикладной минералогии и, наконец, в 1935 г. получил свое современное наименование — Всесоюзный институт минерального сырья. В 1925—1929 гг. по проекту известного архитектора В. А. Веснина было возведено новое большое здание института в стиле конструктивизма.

В обновленном институте Аршинов возглавил петрографическую лабораторию. Ею он беспрерывно руководил до самой кончины. Большое, подчас решающее, влияние оказывал он и на формирование исследовательской тематики института. Аршинову принадлежит уникальная заслуга создания крупной научной библиотеки ВИМСа, по праву носящей ныне его имя. Ему же институт обязан литотеккой — обширным собранием горных пород из разных петрографических провинций нашей страны.

Наиболее продуктивный период в деятельности Аршинова как петрографа и исследователя минерального сырья приходит-

ся на 1928—1937 гг. За это десятилетие вышло из печати свыше трех десятков его небольших монографий, статей и заметок, преимущественно по петрографии и неметаллическим полезным ископаемым.

Он оставил нам классические описания ультраосновных пород, а также полезных ископаемых, связанных с ними и процессами их метаморфизма, — талька и талькового камня, хризотил-асбеста, амфибол-асбеста, магнезита и др. Эти результаты его исследований имеют непреходящую ценность.

Стремясь придать своим минералого-петрографическим работам прикладную направленность, Аршинов стал одним из инициаторов развития отечественной промышленности неметаллических полезных ископаемых. Фактически он создал научную школу, представители которой сыграли немалую роль в изучении этих полезных ископаемых в нашей стране. С именем Аршинова неразрывно связано создание на Урале крупного Шабровского талькового рудника, открытие и освоение Сысертского месторождения антофиллит-асбеста.

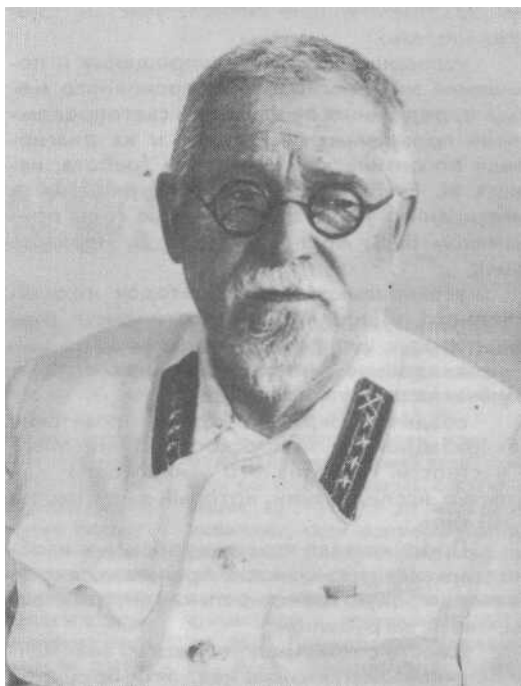
Вообще, традиция практического и общественного служения, столь свойственная

русской научной интеллигенции, неотъемлемо присуща Аршинову, чем бы он ни занимался. Параллельно с работой в своем институте он на протяжении 15 лет (1919—1933) читал лекции по петрографии: до 1930 г. — в Горной академии, а после разделения ее в 1930 г. на 6 институтов — в Московском геолого-разведочном институте.

Желанием приносить практическую пользу отмечены и его труды по совершенствованию методов оптико-микроскопических исследований минералов и горных пород. Одним из важнейших достижений Аршинова стало создание им в начале 30-х годов кристаллооптического кабинета. Большую помощь в этом оказал ему С. И. Вавилов, известный физик, впоследствии президент АН СССР. Работы по совершенствованию микроскопических методов исследования горных пород, выполненные кристаллооптической группой в 30-е годы, были квалифицированы как «блестящие» известным американским журналом «Economic geology», не слишком-то щедрым на комплименты в адрес советских ученых. Такая оценка говорит сама за себя.

И вдруг, начиная с 1938 г., Аршинов внезапно перестает печататься. Его вынужденное молчание продолжалось 3 года. Причиной тому послужили трагические события, разыгравшиеся в ВИМСе в конце 1937 — начале 1938 гг., когда был снят со всех постов, а затем арестован и сослан директор института член-корреспондент АН СССР Н. М. Федоровский. Вместе с ним репрессиям подверглись и другие ведущие сотрудники ВИМСа, такие как заместитель директора Д. Е. Перкин, один из близких учеников Вернадского В. А. Зильберминц (оба погибли в годы репрессий)⁶, И. С. Иовчев (ныне академик Болгарской академии наук) и еще многие их коллеги.

Несколько позднее, в 1939 г., был арестован и В. В. Аршинов. В тюрьме он провел больше полугода. Впоследствии, находясь в эвакуации в Боровом, Вернадский так вспоминал об этом трагическом периоде в жизни Аршинова: «...он был невинен — и имел характер, позволивший ему выдержать инквизиторский строй нашей юстиции. И в очных ставках он твердо держался и выдерживал тяжелый режим. Он говорит, что достаточно подвергнуться оговору трех лиц, чтобы попасть в тюрьму — а затем зависит от нервов (для невинных людей). Пыток не было, но он

В. В. Аршинов в последние годы жизни. 1949 г.

лишился зрения на один глаз, так как он не мог аккуратно лечить глаз, хотя глазной врач был к нему допущен. Он принадлежит к числу тех людей, которые строят новый строй гораздо больше партийных, взятых в целом, — так как это человек высокой моральной силы»⁷.

О мужестве Аршинова во время следствия можно судить и по такой неправдоподобной, на первый взгляд, детали: сидя в камере, он вместо требуемых от него доносов сочинял письменные предложения об организации при следственной тюрьме научной библиотеки, дабы подследственные ученые не теряли понапрасну столь драгоценного времени...

Из заключения Аршинов вернулся, практически ослепнув на один глаз, что лишило его возможности активно заниматься микроскопической петрографией. И в последний период жизни он сосредоточился преимущественно на конструкторской и изобретательской деятельности в области поляризационной микроскопии.

В числе основных достижений, реализованных в его лаборатории под его научным

⁶ Подробнее о судьбе В. А. Зильберминца см.: Волков В. П. «Родина сумеет еще отблагодарить Вас...» // Природа. 1988. № 11. С. 48—56.

⁷ Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 186. Хронология.

руководством и при личном участии, следует назвать:

усовершенствование, упрощение и повышение экспрессности иммерсионного метода определения показателей светопреломления прозрачных минералов и их диагностики по оптическим свойствам (работа, начатая Н. Е. Веденеевой с сотрудниками и завершенная уже в послевоенные годы преемником В. В. Аршинова — Ю. А. Черкасовым);

усовершенствование методов количественного минералогического анализа горных пород в шлифах;

внедрение в поляризационную оптическую аппаратуру поляроидов;

создание первых моделей советских поляризационных микроскопов серии МИН, в частности портативного микроскопа для полевых исследований, который выпускается и сегодня.

Продуктивная конструкторская и изобретательская деятельность Аршинова снискала ему широкую известность как внутри страны, так и за рубежом.

Вместе с тем Аршинов охотно занимался научной популяризацией. Его брошюра «Поляризованный свет и его применение», написанная во время войны и вышедшая в 1945 г., вводит читателя в круг любимой им кристаллооптики. В ней автор ратует за широкое использование поляризованного света в науке, технике и даже в быту. Красивой и оригинальной была идея «сияющей мозаики» Аршинова, базирующаяся на применении поляроидов в сочетании с использованием интерференционных эффектов.

Но, конечно, главным делом его жизни, его жизненным подвигом, стал созданный им в начале века институт «Литогеа», который он сумел сохранить, благополучно проведя сквозь бури и рифы революционных лет и гражданской войны. Это была единственная большая любовь в его жизни.

«Ваша скромная «Литогеа», — писал в 1954 г. в своем приветственном послании Аршинову один из старейших его учеников, известный советский минералог А. С. Уклонский, — выросла в гигантский ВИМС. Сколько из этого ВИМСа выросло новых институтов!»⁸

Заслуги Аршинова как основателя ВИМСа общепризнанны и навсегда запечатлены на мемориальной доске у входа в институт. О его доброте, бескорыстии, увлеченности и по сей день ходят легенды. Интеллигент всего лишь в первом поколении,

он тем не менее являл собой образцовый пример передового русского ученого. Начисто лишенный даже следов карьеризма, скромный и деликатный в своем поведении и во взаимоотношениях с людьми, он, однако, проявлял неожиданную настойчивость и даже упрямство, когда речь шла о деле: о его научных занятиях, судьбе его изобретений, направлении деятельности института и других принципиальных вещах.

Человек одинокий, бессемейный, Аршинов отнюдь не замыкался в себе. Встретив в коридоре института какого-либо коллегу и начав со своего обычного, хорошо знакомого всем вимсовцам: «Вот что, дорогой друг!», — он мог часами толковать о какой-то неожиданной идее, о текущей работе или о чем-то еще, волнующем его в данный момент.

Он был из породы людей, о которых принято говорить «большой оригинал!». Могу, например, немало не стесняясь, высказать свое мнение по любому вопросу и в любой аудитории. И хотя такая манера поведения причиняла ему изрядные неудобства, она же была причиной всеобщего почтительного отношения. Его научный и человеческий авторитет всегда был очень высок.

Немало выдающихся геологов, ученых с мировым именем, прошло через стены ВИМСа, и все же Аршинова вспоминают здесь с особой теплотой и любовью. Дело, видимо, в том, что судьба одарила его не только большими способностями ученого, но и редким талантом человечности.

«Наибольшее удовлетворение дают человеку ведь не столько его узкие личные успехи, сколько успехи того дела, которое он ставит целью своей деятельности. А много ли ученых могут заслуженно гордиться тем, что их научно-исследовательская работа так вырастет и созданная ими небольшая научно-исследовательская ячейка, какой была «Литогеа», превратится в великолепный научно-исследовательский институт, столь полезный и нужный для целой страны?»⁹ — этими словами из приветствия академика А. Н. Заварицкого, адресованного В. В. Аршинову и К. И. Висконту, можно закончить наш небольшой рассказ об истории создания ВИМСа и о человеке, его основавшем¹⁰.

⁹ Там же.

¹⁰ При подготовке статьи были использованы материалы старшего научного сотрудника ВИМСа Ю. А. Черкасова, а также информация, полученная от В. В. Тарасенко и старейших ВИМСовцев — И. В. Шманенкова, Л. С. Каминской, Е. В. Копченовой, В. Н. Разумовой.

⁸ Архив ВИМСа.